

Известия. — 1997. — 17 окт. — с. 6.

«В наше время на одно жалование не проживешь»

Как за эту крамольную фразу закрывали один из лучших спектаклей и о многом другом рассказывает Георгий Павлович Менглет, в честь 85-летия которого сегодня в Театре сатиры дают «Бешеные деньги»

В спектакле, поставленном еще Андреем Мироновым, юбилар играет роль Кучумова — вечно молодого жуира, обольстителя, грозу женских сердец... А пока что мы с Георгием Павловичем сидим в его просторной и многолюдной квартире: по окнам барабанит дождь, батареи отключены.

Последнее обстоятельство явно угнетает артиста: «Вот вам и «бешеные деньги»! «Новые русские» делают евроремонт, а страдает весь дом...».

— Нас так воспитывали, что о деньгах даже говорить считалось неприлично, а сегодня они правят бал...

— Однажды моего учителя — Алексея Денисовича Дикого спросили, что он больше всего ценит в искусстве, и Мастер ответил: «Деньги». Шутил, конечно, но ведь без них и впрямь никуда не ступишь.

— Когда у вас было больше денег — до перестройки или после?

— Всегда было трудно, в обрез. Но, по правде говоря, это моя вина. Человек я ленивый, лишний раз выгащить меня на концерт всегда было непросто. Сегодня же актер драматического театра оплачивается хуже некуда. Ведущие актеры получают — без надбавок — около миллиона рублей...

— Да разве это зарплата для артиста вашего положения! Вы ведь работаете в Театре сатиры около полувека...

— Да, я в «Сатире» уже 52 года, сыграл около двухсот ролей.

— В чем магия театральной сцены, почему актеры живут, творят и страдают на ней до последнего вздоха?

— Прожив на свете немало лет, я до сих пор не раскусил, — а что это за штука такая, театр? По привычке называю его святым пристанищем, хотя пристанище это очень разное: красивое и не очень, нравственное и безнравственное... Но, во всяком случае, очень хрупкое и ранимое.

— У вашего собственного пристанища, Театра сатиры, есть одно бесценное качество — юмор на все случаи жизни.

— У нас всегда работали подлинными корифеи смеха. В самые тяжелые времена Театр сатиры уводил людей от «свинцовых прелестей жизни», дарил им радость и наслаждение хотя бы на время сценического действия. Смех бывает, конечно, разный — и добрый, и горький, и язвительный, а иногда даже и со слезой, как у Чаплина. Но он всегда нужен людям, как воздух.

— Театр сатиры, пожалуй, один из самых благополучных в Москве. На ваши спектак-

ли всегда рвалась публика, да и критика вас не «трепала»...

— Ой ли? Полные залы у нас были всегда, а вот прессой мы никогда не были избалованы. Между тем Валентин Николаевич Плучек поставил много прекрасных спектаклей. Он не только талантлив, не только обладает отменным вкусом, но и мудро. Помню, с каким трудом он пробивал трилогию Маяковского. Я играл и в «Клопе», и в «Бане», и в «Мистерии-буфф», и был свидетелем, как все это запрещалось, не рекомендовалось к постановке, а Плучек стоял на своем.

Талантливейшая пьеса «Самоубийца» Николая Эрдмана не разрешалась, а мы ее ставили, опять запрещалась — и снова мы ее играли... И все это заслуги главным образом Плучека. А как было выгодно играть комедии Софронова, который так и набивался на нашу сцену! Очень уважаемые театры ставили его пьесы, а Плучек на это не шел...

— А есть ли в вас что-то от Кучумова из «Бешеных денег»?

— Его одержимость женщинами. Я когда-то тоже грешил, но добивался своего иными способами.

— А склонность к преувеличениям?

— Думаю, что нет. Стараюсь не лгать.

— Разве можно было жить и не лгать?

— В тридцать втором году я был студентом ГИТИСа. В летние каникулы нас послали в Смоленскую и Тверскую области на «выкорчевывание» кулачества. Мы выступали с куплетами, в которых с полным воодушевлением клеймили врагов народа. После одного из таких концертов какой-то парень замахнулся на меня дубиной, но я успел вовремя отскочить. Его тут же схватили... Тогда в «Советской культуре» появилась статейка: «Бревно кулака в молодого артиста». Мне казалось, что я совершил что-то важное. Ходил с высоко поднятой головой: вот, мол, я какой... Прошло время, и понял, что гордиться, собственно, было нечем. Но что я тогда знал? Я был обманут, сам обманывал. Но в комсомол не пошел. Что-то внутри сопротивлялось.

Мы многому слепо верили. Когда начались массовые аресты, я наивно думал, что берут плохих людей: ведь меня не трогали. Когда в тридцать шестом году арестовали моего любимейшего Алексея Денисовича Дикого за то, что он якобы английский шпион, я был потрясен.

— Что вы сделали, узнав об этом?

— В ту же ночь, как это случилось, мы, студенты, поклялись сохранить его студию.

Уехали в Сталинабад, где создали первый Русский профессиональный театр.

— Кто им руководил?

— Поначалу я. А во время войны мы организовали русско-таджикский фронтовой театр, и я стал его художественным руководителем. Сергей Юткевич поставил нам полтора часовую концертную программу «Привет, друзья!», оформил ее Николай Акимов. Мы выступали на разных фронтах, давали порой до 11 концертов в день, играли на передовой. Однажды — даже перед маршалом Рокоссовским.

— Вам долго удавалось сохранить веру в святые идеалы коммунизма?

— Она постепенно угасала, особенно когда наш театральный мир стал садиться за решетку. Когда трагически оборвались жизни Мейерхольда, Михоэлса. Когда слили Реалистический театр Охлопкова с Камерным Таирова, ТРАМ — с симоновской студией. Когда закрывались театры. Когда была объявлена война формализму. Когда выходили постановления типа: «Сумбур вместо музыки»...

— Как вы реагировали?

— Замолкал. Не находил себе места. Было очень трудно, но помогала семья, выручала любовь. И в театре я встречал много понимающих глаз. Хотя люди были разные.

— Стукачи были и у вас?

— Конечно. Фамилии я называть не могу, хотя главные персонажи уже померли. Но вот такой случай. Один наш актер на политзанятиях попытался сравнить Ленина с Троцким, а вечером его уже забрали. Хотя никакой крамолы он не говорил. Инакомыслие тогда пресекалось мгновенно. И приходилось сдерживать себя, чтобы не сказать лишнего.

— Видимо, главная проблема человека — проблема выживания. Это и заставляет идти на компромисс. А в театре вам не приходилось лукавить?

— Как вам сказать... Ну вот, к примеру, театр брал к постановке не очень талантливые, но нужные пьесы, и приходилось на худсовет их хвалить. Компромисс? Разумеется. А потом глядишь — аншлаг, и вроде так и надо. А червоточина в душе все же сидит — за что тебя, собственно, хвалят или ругают?

— За что же вас ругали?

— Это всегда было непредсказуемо. Поставил у нас — и очень талантливо — Марк Захаров спектакль «Доходное место». Жадно-ва великолепно играл Андрей Миронов. Я

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

исполнял роль Вышневого. Министр культуры Екатерина Фурцева посчитала крамольной фразу Островского: «В наше время на одно жалование не проживешь», которая в блестящем исполнении Татьяны Пельтцер звучала очень убедительно и вызвала бурную реакцию зала. Спектакль был запрещен.

— Что же, помимо самого лицедейства, приносит в театре радость?

— Когда подходят зрители и говорят тебе: «Большое спасибо...» Они уходят, а ты стоишь еще минуту и смотришь им вслед. Большое счастье знать, что ты нужен людям. Это — опора. Не дай Бог почувствовать, что ты не нужен ни на работе, ни дома.

— Георгий Павлович, в артистической Москве нет, пожалуй, другой такой дружной и большой семьи, как ваша. Когда вы соединили свои судьбы с актрисой вашего театра Ниной Николаевной Архиповой?

— Случилось это сорок лет назад — во время спектакля «Где эта улица, где этот дом». Как-то на сцене я заглянул Нине Николаевне в глаза — и в ту же секунду понял, что жить без нее не могу. Через пару дней уверился в этом окончательно. И она, слава Создателю, отреагировала хорошо.

— У Нины Николаевны к тому времени было трое детей, двое из них — от писателя Бориса Горбатова. Вас это не испугало?

— Ничуть. Мне безумно повезло, что моя дочь Майя и дети Нины Николаевны подружились. Все мы стали по-настоящему родными. В нашей семье уже 18 человек.

— И это вопреки расхожему мнению, что актеры — народ ветреный. Какая счастливая у вас судьба! Кажется, такого просто не бывает. В чем, по-вашему, смысл жизни?

— Мне кажется, в любви... Любить можно многое из того, что нас окружает. Главное — уметь находить в жизни радость и стараться делать доброе хотя бы своим ближним. И не казаться, а быть.

Лидия НОВИКОВА.